

ИЛЛЯ БУШМИН

Дорога смерти – 2

ИГРА НА ВЫБЫВАНИЕ

Илья Бушмин

**Дорога смерти – 2.
Игра на выбывание**

«Издательские решения»

Бушмин И.

Дорога смерти – 2. Игра на выбывание / И. Бушмин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839001-2

Продолжение детективного триллера о поисках таинственной банды стрелков, нападающих на водителей на трассах Подмосковья. Следователь Бегин, идущий по следу убийц, начинает подозревать, что преступники — вовсе не те, за кого себя выдают. На основе реальных событий.

ISBN 978-5-44-839001-2

© Бушмин И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Дорога смерти – 2 Игра на выбывание

Илья Бушмин

*«Смерть достаточно близка, чтобы можно было не страшиться
жизни»*

Фридрих Ницше

© Илья Бушмин, 2017

ISBN 978-5-4483-9001-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

– Нна, падла! Нна, сука!

Бритая тварь с силой опускает ногу ему на грудь. Распластанный на полу, он видит ботинок с толстой резной подошвой, а через сотую долю секунды в грудной клетке все взрывается дикой болью. Он чувствует, как ломаются его ребра. С воплем бритая тварь прыгает на него двумя ногами. Кости крошатся, трескаются, пронзая легкие, диафрагму, мышцы. Ни вдоха, ни выдоха – грудная клетка от шока отказывается подчиняться. Хватая разбитым ртом воздух, он понимает, что это конец. Все в глазах вспыхивает калейдоскопом, и, кружась в испепеляющей боли, он словно улетает куда-то – где нет верха, низа, право и лево – есть только калейдоскоп вспишек вокруг и сковывающая все его тело пронзительная острая боль. Она цепями утаскивает его куда-то вниз, вон из этого мира, туда где есть только темнота, ужас и холод.

Организм трясется и бьется в конвульсиях, отказываясь подчиняться смерти. Сейчас это комок концентрированной нечеловеческой боли.

Новый удар тяжелым ботинком он уже не чувствует – тело и так уже не является телом. Ударом его тело переворачивает на бок. Новый удар – и истекающий кровью агонизирующий мешок с мясом и костями переворачивает на грудь.

Но это еще не конец.

– Нравится, сука?! Нна!

Он пытается кричать, но словно со стороны, издавля, из того мира, откуда стремительная сила уносит его в одно бесконечное и черное никуда, слышит лишь булькающий хрип. Он успевает заметить, как бритая тварь хватается бейсбольную биту. Замах. Снова попытка кричать – и животный хрип, который, кажется, звенит лишь в его пульсирующих в агонии барабанных перепонках. И мощный удар опускается на его лицо несущимся на полной скорости локомотивом, выбивая зубы, ломая и кроша на десятки мелких безобразных осколков его челюсть и скулы.

Валяющееся на полу агонизирующее существо существует уже отдельно от него. Сознание видит это вдруг со всей отчетливостью, на которое способно. Он понимает, что умирает, купаясь в океане безумной боли. Вот это как – умирать. Мрак все ближе.

Но тело еще сопротивляется. Рука сама тянется к бритой твари, пытаясь ее остановить. Удар, хруст, и бейсбольная бита ломает предплечье. Рука плюхается на пол, разламываясь на двое. Перебитые кисть и запястье болтаются из стороны в сторону.

– Ломай его! Ломай!

Новый удар выбивает коленную чашечку, изувечивая обволакивающий ее сустав.

Боли больше нет. Как может появиться боль от ломающихся костей, если весь ты – и есть Боль?

Его кружит в водовороте, засасывая в эпицентр ослепляюще черного водоворота. За грань этого пространства, где не существует уже ничего. А может быть, существует все. Разум несется навстречу мраку, покидая конвульсирующее тело.

Как щенок, которого хватают родные челюсти за загривок, он готов подчиниться этой силе – и пусть течение несет его туда, где он должен оказаться. Боль, которую невозможно вынести, сделала свое. Он готов. Вечная ночь, я иду к тебе.

Сквозь кружащийся вокруг мрак вдруг возникает образ. Кажется, он может каким-то чудом еще видеть. Животное с золотыми резцами на верхней челюсти, обнажая в оскале фиксы и желтые клыки, что-то кричит бритой твари.

Сейчас это просто кино. Эффект присутствия закончился. Здесь лишь его тело – но его самого здесь уже нет.

Из-за тумбочки видны ноги Лены. Ее трусики и обнаженный живот. Куски разорванного халатика. И что-то черное, что тонкой змейкой выползает из-за проклятой тумбочки. Кровь.

Лена. Нет...!

Его стремительной силой вдруг возвращает назад, сознание каким-то образом выдерживает само себя из водоворота уносящего прочь мрака – и боль снова взрывается в теле. В каждой клетке, от макушки до пяток перебитых бейсбольной битой ног.

А потом животное с золотыми зубами чиркает зажигалкой...

– Он приходит в сознание!

...И появляется огонь.

– Сюда, он очнулся!

Гипс. Плотные слои бинтов, из-под которых сочится кровь. Какие-то трубки. Пикающие и щелкающие аппараты. Женское лицо с широкими глазами. Белый халат. Появляются другие халаты. Эти люди что-то кричат. Кто они? Луч света бьет в глаз.

– Зрачки расширены!

– Вы меня слышите?!

– Артериальное давление не определяется!

Где я? Моя жена, где она? Мысли молнией вспыхивают в голове. Он пытается что-то сказать, и вдруг ощущает, что не может. Его рот чем-то занят. Что-то пластиковое... Секундой позже он понимает, что это трубка, которая идет в горло и гортань. Его снова бьет в агонию. Но закованное в доспехи из гипса тело трепещет в этом панцире, как в коконе. Голоса людей в белом сливаются в один гул, и его вдруг снова начинает кружить безумная черная карусель...

...Слух прорезал собственный жуткий стон. Бегин резко вскочил на кровати, задыхаясь. Сердце колотилось так часто, словно готово было разорвать грудь и выскочить наружу. Все тело покрывал холодный липкий пот.

Сон. Проклятый сон.

Бегин пытался восстановить дыхание, но это было не просто. Он начал считать. Вдох на три счета, задержка, выдох на три счета. Вдох на четыре счета, задержка...

Бегин откинулся на подушке. Тяжело дыша, не в силах справиться с собственным дыханием после холодного кошмара, он закрыл воспаленные красные глаза.

Таблетки не помогали. Снотворное, мощное успокоительное – все это не давало совершенно никакого эффекта. Да, он засыпал. Но без алкоголя ненавистный кошмар возвращался каждую проклятую ночь.

В этот день Бегину нужно было в Москву. Это был ведомственный медицинский центр, в котором Бегин обслуживался уже много лет. Обслуживался далеко не так, как все остальные сотрудники, посещавшие центр по необходимости пару раз в год – когда понадобится помощь врачей. Бегин был вынужден бывать здесь раз в месяц. И не просто бывать. Проходить полное обследование. Это была его и только его, собственная, традиционная ежемесячная медкомиссия. Врач-куратор. Направления. Походы со своей медицинской картой по многочисленным кабинетам центра, где принимали специалисты. В течение первой половины дня он должен был пройти их всех. Стоматолог. Хирург. Гастроэнтеролог. Даже проктолог. С утра сдача всех анализов – моча, кал, кровь из пальца и вены. Чтобы иметь возможность жить дальше, Бегин был вынужден проходить это снова и снова.

– Так, хорошо. – врач-куратор листал карту, читал каракули своих коллег, кивал. – Анализы вроде бы в норме. По крайней мере, основные показатели не хуже, чем обычно. Значит, у нас все стабильно.

– Это хорошо, – отозвался Бегин.

– Как сон? Лекарства, которые я вам выписал, помогают?

– Да, – соврал Бегин. – Сейчас засыпаю нормально. Просыпаюсь тоже сам.

– Что-то глаза у вас красные... И вообще выглядите, как будто у вас недосып. Александр Ильич? Уверены, что все хорошо? Мы можем подобрать какие-нибудь другие препараты.

– Это из-за работы. Приходится поздно ложиться и рано вставать. Но сплю я нормально.

– Вон оно что. Тогда ладно. – врач снова уткнулся в карточку. – Так, хм. А что у вас с ногой?

– Да царапина, ничего серьезного.

– Показывайте давайте.

Бегин послушно поднял ногу на кушетку и закатал штанину. Врач осмотрел заживающую рану, которую Бегин получил на месте убийства Сергеева, когда случайно распорол икру о какую-то – как он предполагал – сухую ветку в обочине.

– Как это вы так?

– На месте преступления. На ветку налетел. С кем не бывает, правильно?

– А мне утром не сказали, – с укором заметил врач. – Опять замалчиваете?

– Ничего подобного. К слову как-то не пришлось.

– К слову не пришлось, говорите? Ну-ну.

Врач-куратор вернулся за стол. Потарабанил пальцами по столу, наблюдая за Бегиним.

– Александр Ильич. Мы ведь с вами много раз об этом говорили. Мы с вами в одной лодке. Вы должны быть так же заинтересованы в этом, как и мы. А вдруг вы занесли бы инфекцию, началось загноение? Вы бы не чувствовали ничего. Махнули бы рукой – как-нибудь пройдет.

– Но ведь все нормально.

– Дело сейчас не в конкретной ране, а в вас, – настойчиво продолжал медик. – У вас анальгезия. Когда человек не может испытывать боли, он не может отдавать отчет о своем реальном текущем состоянии. О любых сбоях в организме, о заболеваниях, травмах и прочем людей предупреждает боль. Это защитный механизм, созданный, чтобы человек своевременно обнаружил опасность. Вы этого инструмента, к сожалению, лишены. Больной анальгезией, условно говоря, может умирать – и даже не подозревать об этом. Поэтому каждый месяц мы тщательно обследуем вас, чтобы выяснить, все ли в порядке. Но это не значит, что вы не должны беречь себя и сами также следить за своим состоянием. Помните, как мы договаривались?

– Каждый вечер осматривать себя, – вздохнул Бегин. – И я это делаю. Рану на ноге я обрабатывал каждый день. Если бы началось что-то не то, я сразу бы приехал к вам. Seriously, так и было бы. Так в чем проблема?

Судя по взгляду врача, Бегин его не убедил. Куратор покачал головой.

– Напомнить вам, что в комитете вы служите ровно до тех пор, пока я каждый месяц готовлю отчет, что вы, несмотря на заболевание, полностью здоровы и способны продолжать и дальше выполнять служебные обязанности в полном, так сказать, объеме?

– Но ведь все нормально. Вы сами только что сказали.

– Проблема в вас, – вздохнул куратор. – Я ведь не слепой. И вижу, как наплеватьски вы к себе относитесь. Ладно, что с вами поделаешь... – он принялся писать что-то в карточке. – Будем считать, что обследование вы прошли.

Закончив, он протянул карточку Бегину.

– Увидимся через месяц.

Рябцев забрал Бегина у дверей медицинского центра. По дороге в Домодедово Бегин молчал. Рябцев изредка косился на него, борясь с собой. После последнего их разговора у опера скопилось множество вопросов, предположений, идей.

– Все нормально? – спросил он.

– Да, а что?

– Ты полдня у врачей проторчал. Думаю, может, заболел...

– Все в порядке. Ты узнал, что я просил?

– Сегодня полдня в управлении ошивался, расспрашивал всех, – кивнул Рябцев. – И убойщиков, и наших из отдела угонов. Говорят, что новой информации по той толпе, которую ФСБшники задержали, нет. Даже на заседании штаба утром ничего такого не озвучивали. То есть, никто ни в чем не признался. В общем, глухо все. Не знаю, как они дальше эту версию будут пропихивать. Особенно, если банда возьмет и ударит снова.

– Можно выкрутиться почти из любой ситуации. Особенно, если все карты на руках. Скажут, что это оставшиеся члены банды.

– Может быть... Да, еще кое-что. Я с мужиками из угонов пока говорил, услышал про черную «хендай». У них появилась зацепка.

Рябцев знал мало – лишь то, что появилась информация об угнанной на днях машине, подходящей под описание выжившим Игнатом. Поэтому сразу по приезде в УВД Бегин отправился в подразделение по борьбе с угонами. Расспросил их о деталях. И тут же направился в местный отдел Следственного Комитета, где Мальцеву предоставили временный кабинет для работы по делу ДТА. Сидеть в УВД, как Бегин, следователь почему-то отказался.

– Валерий Вячеславович, вы ведь в курсе уже? Полиция нашла зацепку на «хендай» наших бандитов. Такую машину угнали около строительного магазина на трассе М-4, на сороковом километре.

– Да, что-то слышал, – буркнул Мальцев. – Но там вряд ли есть какая-то перспектива... Машины так и не нашли, а угон вообще неизвестно когда был. Вы говорили с операми? Они выяснили, что хозяин понадеялся, что место людное и безопасное, и просто оставил там машину на неделю. Ни камер наблюдения, ни свидетелей.

– Вы старший следователь, я остался в группе для проверки второстепенных версий, – сказал Бегин. – Давайте, я займусь этим направлением? Совместно с операми из угонов? Вдруг что-нибудь и всплывет. Вряд ли, конечно. Но чем черт не шутит? Попытка не пытка.

Мальцев пораскинул мозгами и не нашел в этой идее ничего подозрительного.

Особенно на фоне того, в какие слова облек Бегин свое предложение.

– Хм. Почему бы и нет?

В отделе угонов Головин и Шахов немало удивились, увидев Бегина и Рябцева.

– Что такое? – спросил Головин.

Бегин кивнул, и Рябцев, выглянув для проверки в коридор, закрыл изнутри дверь и остался около нее. На всякий случай.

– Мужики, дело есть, – сказал следователь. – По нашей банде. Смотрите: после последнего двойного убийства мы выяснили, что бандиты могут уходить и по встрече. Так?

– Типа того.

– Но на записях с камер наблюдения ни по одному из четырех эпизодов мы нигде не увидели этой машины.

– Они могут сидеть в засаде где-нибудь на трассе, – пожал плечами Шахов, исподлобья косясь на Рябцева. – Это ни о чем не говорит.

– Могут. Но черную «хендай» угнали около недели назад со стоянки около строительного магазина на трассе. Вопрос: на каких тачках они совершили первые три нападения?

– Думаете, меняют тачки? Угоняют для дела? – сообразил Головин. Бегин кивнул. – Но та же черная «хендай» нигде так и не всплыла.

– Вот именно, – согласился Бегин. – Значит, они с ней что-то сделали. Например, разобрали. Или продали. Или переправили в другой город. Что угодно может быть. Но просто так ты этого не сделаешь. Если ты хочешь продать машину на запчасти, ты должен знать, как это делать. Иначе нарвешься на ментов и прогоришь. Они не прогорели.

Головин и Шахов переглянулись, размышляя над его словами. Головин неуверенно подал голос:

– Думаете, в банде есть угонщик?

– Или банда связана с какой-то группировкой, которая занимается угонами, – добавил Бегин. – Раз они серьезно продумали все, а по картине с мест преступлений мы видим именно это, то почему они не могли так же основательно продумать и схему смены транспорта?

Шахов кашлянул, привлекая внимание.

– Допустим. А от нас что надо?

– Вы плотно работаете по угонам. Не только по текущим, надеюсь. Вы ведь собираете оперативную инфу на группировки, которые занимаются угонами в районе Домодедово?

– Думаете, они? – с сомнением уточнил Головин.

– Может, и нет. Но если есть серьезная группировка, которая подмяла под себя угонный бизнес на каком-нибудь приличном участке трассы, то эту территорию они считают своей. И знакомы со всеми остальными, кто пытается урвать кусок на их земле. Итак, – Бегин обвел оперов взглядом. – У вас есть на примете такая банда?

Шахов кивнул на закрытую дверь, которую сторожил молчаливый Рябцев.

– А зачем это?

– Потому что официально мы просто ищем концы к угнанной черной «хендай». На самом деле я предлагаю вам взять самую крупную в этой части Подмосковья банду угонщиков и через них подобраться к банде ДТА. Если моя версия верна, у нас все получится. Вы с нами?

Глава 2

Наумов посмотрел на часы. Оставалось всего три часа. Через три часа его сменят.

Наумов дежурил на посту ГИБДД недалеко от пересечения трасс М-5 и Московского малого кольца – автодороги 107. Пост был усилен не только представителем угрозыска, в бронжилете и с табельным стволом на поясе, но и дополнительной группой ДПС, а также нарядом из ближайшего отделения полиции. ППСники с автоматами и в касках были даны вместо сотрудников спецназа, которых на все посты южного Подмосковья просто не хватало.

– Слыхал, по радиии передали?

– Чего?

Наумов обернулся на слонявшегося взад-вперед инспектора ДПС. Его напарник двинулся проверять остановившуюся по взмаху жезла машину с пенсионерами внутри, и инспектор решил почесать языком с опером.

– На посту на десятом километре тачку тормознули. А там чувак обдолбанный сидит. И у него в тачке, прикидываешь, пакет с героином. То есть не доза, а прям пакет.

– Совсем е... нулся народ, – буркнул Наумов. – Ну везешь ты наркоту, так думай, где везти. На трассе сейчас ментов, как на Красной площади в день города.

– Отморозки, реально. Они повсюду.

По трассе двигалась, предусмотрительно сбавив скорость перед постом, синяя «мазда». Инспектор взмахнул жезлом. Включив поворотник, «мазда» съехала к обочине. Из салона с готовностью выпрыгнул высокий шатен с вьющимися волосами лет 35 на вид.

– Здравствуйте. Проблемы?

– Документы.

– Конечно-конечно, сейчас!

Пока инспектор листал документы в кожаном бумажнике, Наумов прохаживался вдоль машины, заглядывая в салон.

– Коломоец Эдуард Максимович... Машина-то не ваша.

– Так я по доверенности управляю. Вот же она.

– Я сам найду, стойте спокойно.

Наумов покосился на водителя. Тот слегка нервничал, хоть и пытался это скрыть.

– Откройте багажник.

Подчиняясь инспектору, Коломоец распахнул крышку. Инспектор заглянул внутрь, проверяя содержимое багажного отделения машины.

– Везете с собой что-нибудь запрещенное? Наркотики, оружие?

– Послушайте... Я ведь ехал просто, в чем...

Наумов сделал шаг им навстречу, одновременно растегивая кобуру и готовясь выхватить пистолет. Коломоец, глаза которого бегали от инспектора к оперу и обратно, не смог не заметить этого. Стало ясно, что просто так от него не отстанут. И теперь уже обязательно досмотрят салон. С досадой Коломоец сжал челюсти и, выдохнув, выдавил:

– Травматический пистолет. В бардачке.

Подъехавший наряд патрульно-постовой службы, который как раз двигался по трассе от соседнего поста ГИБДД, где был отловлен наркоман с героином на руках, захватил задержанного Коломойца и доставил в УВД.

Так вышло, что все свободные оперативники были заняты делом. Кто-то патрулировал трассы, кто-то, как Наумов, дежурил вместе с ДПС. Другие выполняли поручения Мальцева. А немногочисленные остальные опера, не задействованные в деле банды ДТА, зашивались, занимаясь текущими преступлениями – кражами, драками, грабежами, поножовщинами

и прочим – которые с появлением автоманьяков с трассы М-4 никуда не исчезли. Поэтому побеседовать с Мальцевым велели Рябцеву. Все равно, мол, без дела шляется.

– У вас нет лицензии на травматик. Вы в курсе, что это незаконно?

Коломонец и без того раскаивался так, что, это было заметно, готов был лбом об стену биться.

– Да поймите вы! Я вашим на посту объяснял уже, они меня слушать не захотели...!

– Зато я весь ваш.

– ...Да, купил я травматик. В подземном переходе на Дубнинской.

– Где-где?

– В Москве. Дегунино. Вы поймите, – горячо убеждал Коломонец, – что мне делать? Я работаю в Москве, живу в Домодедово, а девушка у меня в Раменском.

– Прямо не разорваться, да?

– Ночью постоянно мотаться по трассе приходится. А вы новости смотрите же? Хотя у кого я спрашиваю, вы ж полиция... Сейчас эти убийцы, о которых все говорят, на свободе. Я не хочу встретиться с ними, вообще никак! Но если не дай бог, то пусть у меня хоть что-то с собой будет. Для самозащиты.

– Ну а лицензию на травматик получить никак?

– Так это долго, то да се. Я пробовал, подъезжал в райотдел. А там очередь на неделю, наверное! Сейчас все хотят ствол купить. Народ на измене, паникует. А мне что делать, неделю в очереди торчать? Я работаю, мне деньги зарабатывать нужно! Да вы сами подумайте, сейчас каждый же возит с собой что-нибудь. У кого бита, у кого ружье охотничье, или там кастет какой-нибудь, или электрошокер. Все ж боятся!

Рябцев мысленно признал, что длинный тип прав. Боялись все. Но отработать доставленного, раз уж взялся, нужно было до конца.

– Судимость есть?

– У меня? Нет. Ну так, пару раз задерживали...

– Да? И за что задерживали?

– Да-а... Всякое бывает, – нехотя промычал Коломонец. – Неделю назад вон на улице пришлось с парочкой придурков пьяных подраться... Публика-то у нас в Домодедово в некоторых районах сами знаете какая... Двое суток в камере продержали в опорнике. Разбирались, что к чему.

– Неделю назад? – Рябцев нахмурился. – А когда именно, помнишь?

Коломонец назвал. И сразу стало ясно, что это был ложный улов. В одну из ночей, проведенных водителем в обезьяннике опорного пункта, бандой ДТА был расстрелян внедорожник с тремя пацанами, один из которых выжил... Чтобы подстраховаться, Рябцев зашел в дежурку – узнать номер опорника на улице Текстильщиков. Ему повезло: оказалось, участковый из опорника как раз был в местном отделе дознания.

Рябцев поднялся наверх и столкнулся с капитаном Латыповым.

– Коломонец? – он поскрябал затылок. – Да хрен знает, так сразу и не вспомнишь... А, погоди. Это где трое на улице подрались? Точно, вспомнил! Высокий такой, да? Было дело. Двое на него телегу катили, типа пьяный докопался. Пока разбирались – я уже его, честно говоря, закрывать хотел и следакам материал передавать – приперлась баба. Свидетельница. Рассказала, как все дело было. Эти двое до нее дожариться хотели, этот длинный, Коломонец, мимо проходил, сказал им что-то типа «Отвалите, козлы драные».

– Так и сказал? – хмыкнул Рябцев.

– Ну типа того. И пошло месилово. Баба под шумок свалила. А зачем тебе?

– Да уже незачем. Спасибо.

Рябцев спустился вниз, вывел из допросной Коломойца. Подвел к дежурке.

– Вещи ему отдавайте. Пусть валит. У него на время убийства алиби.

Пока счастливый Коломоец рассовывал вещи по карманам, у Рябцева запиликал сотовый телефон. Незнакомый номер на дисплее.

– Аллю?

– Володь, привет.

И сразу же, в ту же самую секунду, как зазвучал из трубки приятный женский голос, словно подсознательно он ждал этого звонка все последние дни, Рябцев узнал в звонившей Ольгу.

– Слушай, я тут подумала... Может, встретимся вечером? Ну, просто. Посидим, выпьем, ничего особенного. Молодость вспомним. Если ты, конечно, не против...?

В голове Рябцева возникла сцена из банкетного зала. Танцующая счастливая Вика, которая даже не смотрела в его сторону. И рыжий урод, выющийся вокруг нее и постоянно норовящий шепнуть ей что-то на ухо. Его страх, что это был тот самый, кто полтора года назад... Слово в слово всплыло из недр памяти СМС, которое он прочел тогда на телефоне Вики и которое навеки поселилось в голове преданного мужа. Все это промелькнуло за короткую секунду. И Рябцев с готовностью отозвался, уже точно зная, что будет дальше:

– Конечно, Оль. Рад, что ты позвонила, и сам собирался... Я только за. Во сколько и куда заехать?

– Столько всего... Даже не знаю, что заказать. Ты что будешь?

– Здесь стейки хорошие. Пробовала?

– Конечно, – невооруженным глазом было видно, что Ольга соврала.

– Отлично. И давай бутылочку вина, что ли. Тебе какое больше нравится?

– Красное.

– Сухое?

– Полусладкое.

– Хм, – Рябцев замешкался, но затем с улыбкой предложил компромисс: – Я люблю сухое. Давай ни нашим, не вашим. Полусухое?

Это был небольшой ресторанчик в Павловском – недалеко от развязки, связывающей Домодедовское шоссе и М-4. В родном городе было нельзя. Как точно подметила Вика, когда они собирались на тот проклятый банкет – «город у нас не самый большой». Ольга переоделась, на ней было облегающее платье, подчеркивающее фигуру. Она была хороша, как никогда, и на секунду Рябцева охватил мандраж. Но затем он выкинул все из головы, дав себе установку – снова пришлось помянуть добрым словом отца, который одной фразой, оброненной когда-то, до сих пор помогал Рябцеву. Отпусти ситуацию – и будь что будет.

И Рябцев отпустил. Тем более что вскоре официант принес бутылку вина. Понтов в виде ведерка со льдом здесь, в деревенском ресторанчике, не было отродясь, зато Рябцев точно знал, что вино здесь настоящее – никакого суррогата.

– Значит, в Федюково живешь? – спросил Рябцев. Название деревни Ольга обронила по пути в ресторан. Она кивнула:

– Да. И давно.

– Как ты там оказалась? Ты же наша, домодедовская?

– Долгая история, – Ольга невесело улыбнулась. – У меня же отец бизнес начинал. Мы как раз в старших классах учились. Помнишь? Магазин.

– Точно, магазин, – Рябцев хмыкнул. – Мы с пацанами ржали, когда Андрюха Малько – помнишь его? – за пивом туда заходил. Глядь, а там батя твой. И наша классная с ним разговаривает. А от него пахер... Бежал так, что ногу подвернул.

Ольга рассмеялась.

– Было дело. Он тогда от меня не отставал неделю. «Что твой батя? Он меня видел? Он сдал меня училке? Атас, как дальше жить!»

– Точно, так и говорил! – посмеявшись над воспоминаниями, Рябцев вспомнил, что Ольга не закончила. – Магазин помню, да. И что? При чем тут Федюково?

– При том, – безрадостно отозвалась Ольга. – Я тогда думала: ну, заживем. Ведь это же бизнес. Богатая буду и все такое. Планы себе настроила... А потом у отца проблемы начались. Он по ночам с ружьем у окна дежурил иногда. Меня вечерами не выпускал. Я спрашивала, в чем дело, он не отвечал. Потом я обрывки его каких-то разговоров услышала. Поняла, что у него с местными рэкетирами конфликт какой-то возник. Требовали больше, чем он мог дать. И он искал решение. Но не получилось... Магазин сожгли.

Лицо Рябцева вытянулось.

– Вот черт! Я же... Я после школы в учебку укатил сразу. Три года. Та же армия, по сути: казармы, муштра, только лекций больше. Дома только летом нормально и бывал. Я ведь проходил там через пару лет... Но там застроили все, от магазина вашего следа уже не осталось. И я как-то не стал ни у кого спрашивать... Хреново, хреново. И что дальше?

– Отец прогорел. Он ведь в магазин все вложил. И он решил, что нам уезжать надо срочно. Квартиру начал приватизировать, чтобы продать. Да не успел... Его избили сильно. Порвали что-то внутри... Он полгода продержался и... Умер, в общем.

Рябцев мрачно покачал головой.

– Извини. Я не знал ничего.

– Тебе не за что извиняться, брось. Ну вот, отца не стало. Мне страшно было одной. А моя бабушка всегда здесь жила, у меня же мама отсюда родом.

– А сама мама?

– Ты что. Она давно умерла, я еще в садике была. Меня отец воспитывал. Я маму и не помню даже. Ну, то есть помню, но так, смутно. Вспышками. – Ольга поморщилась, не желая углубляться в тему. – И переехала я, в общем, к бабушке. Я в институт как раз поступила перед всем этим... Пришлось бросить. Так я и живу с тех пор. Бабушки нет уже, я одна. Вот, в магазине работаю. Как видишь, все совсем не так, как я мечтала.

– Жизнь суровая штука, – согласился Рябцев.

– Хватит уже обо мне, Володь. Ты-то как? Где живешь?

– Да все там же. Родительская квартира. Они сами уехали в Тверскую область, в деревню, они давно туда собирались. Квартиру мне решили оставить, после того как я... – Рябцев запнулся, но сообразил, что кольцо на пальце итак сдает его с головой, и продолжил: – ...После того как женился.

Ольга понимающе улыбнулась, кивнула – и не сказала ни слова. Рябцев почему-то ждал вопросов про семью и жену. Но Ольгу это словно не интересовало. А потом принесли стейки, и разговор на скользкую тему смялся сам собой.

В ресторанчике играла спокойная, не навязчивая, расслабляющая музыка. А допивая бутылку, Рябцев ощутимо захмелел. Стало легко, свободно, и не возникало никаких вопросов. Он заметил, что Ольга украдкой покосилась на пустую бутылку, и дал знак, подзывая официантку.

– Еще одну бутылку, такого же. – улыбнулся Ольге. – Если ты не против?

– Если ты не против, то и я не против, – она тепло и, как ему показалось, многозначительно улыбнулась в ответ.

Когда принесли вино, он напомнил бокалы. Они чокнулись. Ольга покосилась на парочку, которая решила потанцевать – заиграла медленная музыка – сделала большой глоток и, поднявшись, с улыбкой протянула Рябцеву руку:

– Потанцуем?

На языке Рябцева вертелась какая-то банальность из серии «раз дамы приглашают кавалеров» или чего-то в этом духе, но он был еще не настолько пьян, поэтому благополучно промолчал. Когда они вышли на танцпол, руки Ольги обвили его шею. Положив ладонь ей на спину, чувствуя совсем рядом ее теплое, стройное и живое тело, Рябцев почувствовал, что у него чуть кружится голова.

– А знаешь, – тихонько сказал он. Голос внезапно стал хриплым. – Ты ведь мне в школе безумно нравилась.

Ольга кокетливо улыбнулась.

– Конечно, знаю.

– Серьезно? – Рябцев даже растерялся. – А... Ну понятно.

– Если честно, ты мне тоже.

– Что? – для него это было открытием. – Шутишь?

– Ни разу. Я все думала, когда он наберется смелости, чтобы подойти. Предложит проводить. А ты все не набирался и не набирался...

– Вот черт, – пробормотал Рябцев. То ли дело было в вине, то ли в близости Ольги, но ему вдруг стало грустно и обидно за то, что все сложилось именно так. Вика. Измена. Его запои. Всего этого могло не быть.

А потом он почувствовал на своей шее тепло губ. Он скосил глаза вниз, решив поначалу, что это все вышло как-то случайно. И увидел лишь чуть приоткрытые призывно улыбающиеся губы Ольги. Вот они, совсем рядом.

Больше он не сомневался ни в чем. Рябцев поцеловал ее, и Ольга ответила взаимностью. От ее вкуса голова кружилась еще сильнее. Это была какая-то волна, которая подхватила его и понесла куда-то, а Рябцев не сопротивлялся, отдавшись волне полностью. И больше не было никаких сомнений.

– Сначала идем всей толпой на заправку. Забываемся туда, заливаем полные баки, чтобы по этой части ночью вопросов больше не возникало.

Сегодня на пустыре, где ежедневно собирались стритрейсеры для короткого инструктажа-совещания перед выездом на трассу, было около 20 автомобилей. Это была большая группа, которая своим числом легко возьмет в кольцо даже несколько машин – если, вдруг, преступники перемещаются также группой и на нескольких транспортных средствах – но их было вдвое меньше, чем еще неделю назад. Людям стало надоедать. Остались самые верные. Федор говорил, бросая на каждого изучающие взгляды. В отблеске многочисленных фар, заполнявших пустырь, как гирлянда новогоднюю елку, на него смотрели решительные взгляды. Это хорошо. Количество – это хорошо, но качество – не менее важно.

– Потом идем к Ленинскому, сворачиваем в сторону центра, и потом на третье кольцо, – продолжал Федор. – Уходим направо в сторонку Варшавки и движемся по ней. Как обычно, идем порядка 80 километров. Не обгоняем друг друга, держимся шеренгой. Как сейчас выедем, сразу поймете кто в каком порядке. И вот так и держимся за соседом. Без аварийек и прочего палева. Просто, как обычно, наблюдаем за тем, что происходит вокруг. Только не жмемся, блин, друг другу в ж... пу, – в толпе раздалась редкая смешка. – Просто в пределах видимости идем. Чтобы, если вдруг мы с ударной группой вдруг начнем движуху, остальные могли быстро и адекватно увидеть все и реагировать, как договорились. Все? Вопросы есть? – вопросов ни у кого не возникло. – Телефоны у всех заряжены? Я у всех на быстром наборе? Хорошо. Тогда по коням!

Федор направился к своей машине. Самые шустрые уже прыгнули за руль своих авто, и пустырь огласил разномастный рык двигателей.

– Укол!

Федор обернулся. Это был Нос – он шагнул к нему, на ходу нацепляя бронежилет.

– Слушай, – он чуть помялся, кашлянул. – Народу-то меньше сегодня. Заметно так меньше.

– Ну я как бы не слепой.

– Каждый день у нас порожняк. Ну, если честно, трезво на ситуацию посмотреть. А мы ведь уже полмесяца почти мотаемся по трассе взад-вперед. Тебя это не напрягает?

Федор ждал таких вопросов. Но не от Носа. Почувствовав легкую досаду, Федор решительно выбросил ее из головы.

– Посмотри на это иначе, брателло, – сказал он. – Да, улова нет. Но сейчас на М-4 мы. Каждую ночь. Иногда полсотни, иногда меньше, но нас все равно толпа. Рой тачек, которые колонной прут по трассе и докапываются до всего, что не так стоит или не так выглядит. Обрати внимание. С тех пор, как мы мотаемся по трассе: сколько раз банда нападала? Сколько раз мы с тобой видели расстрелянные машины, обложивших их ментов, мигалки и все такое?

– Ни разу.

– Вот именно. И вот задай себе другой вопрос. А что было бы, если бы нас тут не было? Вдруг эти наши рейды уже сэкономили пару жизней? Что если каждый день мы тупо своим видом на трассе просто отпугиваем этих упырей?

Нос помолчал, прикидывая. Затем кивнул.

– Понял тебя.

К ним подошли еще несколько ребят. Федор почувствовал по их лицам, что их терзает тот же самый вопрос. И повысил голос, чтобы его слышали и остальные:

– Мужики! С тех пор, как мы стали ездить и шмонать все, что не так стоит, убийства прекратились! Эти упыри со стволами затаились! И да, сейчас нет вроде бы никакого эффекта. Но во-первых, может быть, это благодаря нам. Мы им мешаем, понимаете? Для них мы напряг. Не исключено, что они просто обделались, и благодаря нам спасены несколько жизней. И во-вторых. Банда на свободе. Они сейчас выбились из своего графика. Дислокацию они вряд ли поменяют, они убивают людей именно в районе трассы «Дон». Может, они живут где-то рядом и наизусть все знают, благодаря чему их еще не поймали. Значит, им будет палево ехать в другое место – испугаются, что засветятся, и менты их поймают. Поэтому они снова появятся. Они скоро выстрелят, я чувствую. Но в этот момент мы будем рядом!

Соратники закивали, начали вдохновенно переглядываться и бросать друг другу слова одобрения. Федор хмыкнул и хлопнул Носа по плечу.

– Поехали!

Распахнув дверцу своего желтого «Ниссана», уселся внутрь и закрепил сотовый на панели приборов. Через минуту рычащая колонна машин, кружась по грязному пустырю, завертелась, как распутывающийся клубок огромной змеи, и выползла на ночную улицу.

Первым подозрительным автомобилем была «Лада-гранта». Она стояла в обочине на трассе всего в десяти километрах от развязки. Аварийные огни тоскливо вспыхивали.

– Опа! Как интересно!

Перед Федором двигались машины разведки. Они первыми вильнули в среднюю полосу. Первая машина рванула вперед, чтобы взять машину в тиски. Увеличивая скорость, Федор заметил черный силуэт перед машиной – человек стоял и махал руками.

Взвизгнули покрышки. Человек отпрянул, вертя головой и не зная, что подумать. С двух сторон к нему бросились вооруженные тени. Федор тормознул в десятке метров от «Гранты». Выпрыгивая из-за руля, он шагнул вперед. В глаза бросились длинное черное одеяние и поблескивавший в свете фар крест на груди. Священник. Его разглядели и разведчики и смущенно, даже растерянно, опустили ружья.

– Здравствуйте. – быстро начал Федор. – Вы не волнуйтесь, мы не бандиты. Что у вас случилось? Помощь нужна?

Священник был мужчиной в возрасте, явно за 50, но выглядел моложаво. Седоватая борода, живые глаза. Он явно успокоился, услышав слова Федора.

– Да вот, ребята, – он махнул на машину. – Колесо спустило. А у меня с собой ни домкрата, ничего...

Федор быстро посветил фонариком на колеса. Спущенным было переднее со стороны водителя. Он склонился, изучая шину. Прощупал ее пальцами в нескольких местах – и со стороны крыла наткнулся на аккуратный диагональный порез. Обернулся на своих:

– Это не они. Те шипами прокалывают, здесь скорее всего кусок стекла шину порезал. – Федор поднялся. – Что ж вы, батюшка, за город неподготовленным?

Священник даже смутился.

– Машину недавно купил, не успел еще... Поможете?

Федор кивнул своим. Один быстро двинулся за домкратом. Еще двое присели перед машиной, с помощью фонариков также изучая спущенное колесо.

– Докатка есть?

Священник открыл багажник, двое соратников Федора выволокли колесо. Третий уже прилаживал домкрат. Священник отступил, чтобы не мешать. Бдительный Кукарский тем временем прошелся вокруг машины, с помощью фонаря изучая салон. Кивнул Федору – все чисто.

– Вы новости не смотрите? – проворчал Федор.

– А в чем дело?

– На трассе уже человек 10—15 убили. Точно вот в такой же ситуации, в которой вы сейчас оказались. Прокалывают колеса, а когда водитель останавливается, они появляются ниоткуда и открывают огонь.

Священник был не в курсе. Удивленно и мрачно он покачал головой.

– Что творится...

– Бдительнее надо быть, батюшка.

– А вы, значит, полицейские?

– Что, похожи разве? Мы активисты. Хотим их найти и сдать полиции. Чтобы людей убивать неповадно было.

Священник задумчиво покосился на него.

– Народные мстители, значит?

– Может быть. Называйте как хотите.

– На все промысел божий, молодой человек.

Федор поморщился.

– Ну конечно. Давайте сложим руки, пусть они хоть всех вырежут. И полиция пусть тоже в сторонке постоит. А еще лучше распустить их, да? Промысел же.

Священник ничего не ответил. Но, помолчав, вздохнул:

– Бессильная злоба преследования преступника иногда превращает в преступника и того человека, который пытается его остановить. Особенно, если это делается из мести. Никогда не задумывались, что слово «месть» похоже на слово «место»?

– К чему вы это?

– Тот, кто мстит преступнику, рискует встать на его место. Заместить его собой. Отсюда и происхождение слова. Наш язык более глубокий и мудрый, чем мы все привыкли в суете будничной жизни.

Федору захотелось уйти. В памяти всплыло лицо милиционера, сообщившего ему, что теперь он безотцовщина. Было не по себе, что этот человек в рясе сразу заговорил с ним – и почему-то именно о мести.

– Злость, чувство мести и жажда преследования убийцы может сделать из преследователя убийцу, причем похуже, чем был тот, кого преследовали, – вкрадчиво, словно пытаясь проникнуть в его сознание, продолжал священник. – Это порочный круг. Простишь – станет только хуже. Не простишь – встаешь на скользкую дорожку. И можешь убить кого-нибудь. Возможно, даже невиновного. Не стоит мстить, молодой человек. Никому не дано право решать. Не мы посылали убийцу на преступление.

Федор угрюмо молчал. Он начал жалеть, что человек в рясе повстречался на их пути. Лезть себе в голову и читать ему лекции, о которых он не просил – было слишком.

– Мы просто остановились помочь, – буркнул он священнику.

Работа с колесом спорилась, все делали это далеко не в первый раз. Уже через несколько минут Петро, отряхивая перепачканные ладони, объявил:

– Готово.

– Спасибо. Вы мне очень помогли.

– Откуда вы? – поколебавшись, спросил Федор у священника.

– Бронницы. Здесь не так далеко.

Федор взглянул на трассу. Широкое асфальтовое полотно, обрамленное рядами тоскливых фонарей, уходило, чуть искривляясь, за погруженный в черноту горизонт.

– Ни перед кем не тормозите, – сказал он. – Понятно, у вас свой взгляд на многое. Я к вам с лекциями лезть не буду. Но вы, надеюсь, жить хотя бы хотите.

Рядом появился Нос.

– Я провожу, – сказал он. – Туда и назад. У меня оружие. Доведу до окраины города и по Новорязанскому назад.

Отпускать Носа не хотелось, но идея была хорошая. Впереди несколько десятков километров, множество затемненных пустынных участков, рукавов и поворотов, а одинокий священник, не способный оказать сопротивление, был практически идеальной мишенью. Особо, если банда, как пишут журналисты – включая его Свету – стремится к панике, страху среди людей и к собственной славе. Федор кивнул.

– Туда и назад. Выйдешь на развязку, звони, я скажу, где мы будем.

Он не провожал Носа. Федор двинулся к своей машине, остальные поступили так же. И через несколько мгновений колонна с рыком тронулась с места и рванула вперед, постепенно переползая на средний ряд трассы и удаляясь все больше – пока задние габариты замыкающих машин не слились с огоньками на горизонте.

Эту ночь для многих была особенной.

Для Рябцева это был словно сон, в который он окунулся с головой, желая раствориться. Они с Ольгой целовались и ласкали друг друга. Он говорил ей что-то пьяное. Кажется, «где же ты раньше была». Она что-то отвечала, а он затыкал ей рот поцелуем. Потом они оказались в машине. Помня о выпитом, но при этом помня и о красной корочке удостоверения в кармане, которое на родном участке трассы избавит от любых вопросов знакомых поголовно инспекторов ДПС, Рябцев смело сел за руль. При этом он не гнал, отдавая себе отчет, что меньше всего на свете ему сейчас нужны неприятности на дороге.

Он ехал медленно, но в салоне играла музыка, а компания близкой Ольги, до ноги которой можно было дотронуться, и Рябцев сам не заметил, как они свернули с трассы и поползли вдоль частных домиков. Ольга указывала дорогу. Рябцев не запомнил даже, как выглядел ее дом. Как только они оказались внутри, Рябцев сорвал со счастливо и пьяно смеющейся Ольги платье, одним движением стянул бюстгальтер вниз, на живот – и набросился на нее, покрывая грудь поцелуями.

Бегин с вечера закупился пивом, не рискуя пока связываться с чем-то более крепким. Ему было чем заняться. В управлении он взял все материалы на банду угонщиков, которую, по имевшейся в отделе угонов оперативной информации, можно было считать крупнейшей.

– Если есть банда, которая контролирует большую часть угонов в нашей части Подмоскovie, то это банда Ворона, – сказал с вечера Головин, вручая Бегину толстую папку. – Здесь все, что у нас есть на них.

И сейчас, при свете кухонной лампы, Бегин пил пиво, курил, стараясь ничем не заляпать материалы оперативной разработки, и просматривал документы – один за другим. Наводки, справки, рапорты, даже список предполагаемых членов банды, ссылки на уголовные дела, по которым они проходили, и многое другое. Бегин добрался до странички с коротким досье на Ворона.

Воронцов Владислав Иванович. С фото на Бегина смотрел сухощавый мужчина лет 45, с поджатыми тонкими губами. Его щеки и лоб прорезали глубокие складки. Широкие надбровные дуги, из-под которых острые глубоко посаженные глаза предупреждали, что их владелец не робкого десятка, и с ним лучше не связываться. Бегин пробежал глазами информацию по предполагаемому – опера из отдела угонов не могли полагаться ни на что, кроме агентурных наводок – главарю банды угонщиков. Уроженец Белых Столбов. Был владельцем автосервиса в 90-е, где разбирали угнанные машины. Запчасти сбывались через несколько рынков Подмоскovie. Воронцов проявил в себе задатки лидера и постепенно обзавелся собственной небольшой бригадой – и решил угонять транспорт самостоятельно, чтобы не платить поставщикам-угонщикам. Банда, не захотев смириться с потерей кормушки и рынка сбыта, решилась на конфликт. Автосервис попытались сжечь. Через неделю один из угонщиков пропал без вести, труп второго нашли в овраге в километре от родного городка с распоротым животом. С тех пор на бизнес Ворона не покушался никто.

А потом Бегин перелистнул страницу.

На обороте были фотографии людей, которые, по мнению отдела угонов, были связаны с Вороном и с большой вероятностью входили в его группировку.

Взгляд Бегина застыл.

На самом первом снимке в этой череде фотографий он увидел некоего Михаила Малковича. Кличка Потап. На фото был изображен мордатый, толстогубый, с широким носом громила.

Бегин уже видел его. Это был водитель на сером внедорожнике, который привез пиво в безымянную магазин-закусочную на М-4. Бегин видел Потапа совсем недавно – в том самом месте, где работала продавщицей одноклассница Рябцева.

Закусочная располагалась в самом центре того участка трассы М-4 «Дон», где неуловимая банда ДТА вершила свой террор.

Бегин, сосредоточенно думая, откупорил очередную бутылку пива. Закурил очередную сигарету. И принялся внимательно читать все заново. Все, что можно было почерпнуть из полицейских материалов на Ворона и Потапа.

Сейчас Бегин был уверен, что он на верном пути.

А Нос, возвращаясь из Бронниц по Новорязанскому шоссе, думал о священнике и его словах Федору. Нос гнал быстро, точно зная, где колонна друзей движется сейчас – они были всего лишь в десятке километров от него. Он думал о мести. О настоящих мотивах Федора, в которых тот, возможно, никогда не признается сам себе. О том, что Федор, возможно, стал стритрейсером, сделав дорогу смыслом своей жизни, и даже основал свое сообщество только потому, что когда-то давно его родители-челноки встретили на междугородней трассе тех, кто в один миг разрушил будущее всей этой семьи.

Машины резко повело влево, на соседнюю полосу. Это было почти одновременно со странным хлопком. Нос ничего не успел сообразить, но его навыки сделали свое. Он быстро выровнял автомобиль и юркнул к обочине. Ткнул кнопку аварийки на панели.

– Твою мать, что за...

Он уже взялся за ручку, чтобы выйти из машины и проверить, в чем дело, как вдруг похолодел.

Хлопок и занос. У него проколото колесо. Машина застыла на затемненном участке трассы. Кусок в почти сотню метров, на котором по какой-то причине не горели фонари. Возможно, их не было. Возможно, что-то случилось с освещением...

В этой части Новорязанского шоссе движение было небольшим. Где-то впереди горели огни только что пронесшихся мимо машин. Вот еде одна со свистом пронеслась мимо.

Хватая сотовый телефон, Нос бросил быстрый взгляд в зеркало заднего вида.

В ту же секунду всего лишь в 15—20 метрах позади вдруг вспыхнули фары машины, ослепляя его дальним светом. Машина была окутана мраком, но вспыхнула именно сейчас – на глазах у Носа. И она двигалась прямо к нему.

Убийцы. Они здесь. А Нос один.

Позвоночник взорвался ледяным холодом.

– Твою мать...!

Но выучка не дала впасть в ступор или запаниковать. Нос нажал кнопку блокировки, закрывая замки всех дверей автомобиля. Матерясь, резко выгнулся и схватил ружье, закрепленное между сиденьями. Машина убийц была в паре метров от него, ярко освещая салон. Передергивая затвор помпового ружья, Нос бросился боком на пассажирское сиденье.

Загремели выстрелы. Первые две пули разнесли стекло водительской дверцы, засыпая Носа осколками. Пистолет грохотал. Следующие две щелкнули по водительской дверце. Обе прошли насквозь. Одна оглушительно щелкнула по рулевому колесу, вторая впилась в голень Носа, вспыхивая внутри адской болью от разрезанного металлом мяса.

– АААА! – что есть мочи заревел Нос. Не глядя и не поднимаясь, он ткнул ружье в окно и открыл огонь. Грохнул выстрел. Толстая пластиковая гильза с металлическим основанием стукнула по панели приборов. Нос передернул затвор помповика и выстрелил снова. А потом снова и снова. В ушах грохотало, салон заволакивало дымком пороховых газов.

Совсем рядом взорвался рев двигателей: убийцы сорвались с места, втопив педаль газа до максимума. Визжа покрывками, их машина рванула прочь.

Нос вскочил. Распахнул водительскую дверцу и вывалился на асфальт. Припав на колено, он выстрелил вслед. Машина уносилась на полной скорости. Заряд дробы разнес вдребезги задние фары с пассажирской стороны. Второй ушел в молоко – машина стремительно удалялась.

Патроны в шестизарядном ружье кончились. Тяжело дыша, Нос с яростью смотрел вслед убийцам.

– Ну иди сюда!! Иди сюда, сука, слышишь?!

Машина уносилась все дальше, она была уже в сотне метров от него и стремительно удалялась. Нос опустил ружье и засмеялся, задыхаясь от одышки. Он был жив. Он дал отпор тем, кто убили кучу народу, и выжил. Он им показал!

Опомнившись, Нос вскочил. Нога отдалась болью, и Нос, вскрикнув, упал в салон. Хватая телефон, увидел, что его пальцы трясутся. Ткнул быстрый вызов. Федор ответил после первого же гудка, и Нос сразу заорал, не давая тому открыть рот:

– Меня обстреляли! Они ушли! Идут на темном «фокусе» по Новорязанскому от малой бетонки к Тимонино! Иди на перехват! Слышишь?! Ловите их! Темный «фокус»!

Федор изменившимся голосом прокричал, что все понял. Нос отключился. Точить лясы с Федором было нельзя – пусть сосредоточит все силы на перехвате ублюдков.

Нос выполз из-за руля. Прыгая на одной ноге и держась для страховки правой рукой за кузов, он окинул взглядом колеса. Переднее водительское спущено. Нос доковылял до колеса, упал на колено. И заглянул вниз.

Из горячей еще резины торчало что-то металлическое. Касаясь предмета пальцами и с силой выдергивая его из толстой покрышки, Нос уже знал, что это. Это была скрутка из 10-сантиметровых гвоздей, растопыренных в разные стороны острыми концами, что делало ее похожей на «куриную лапу».

Глава 3

Федор вышел из дверей управления внутренних дел города Домодедово. Светило яркое утреннее солнце, которое на секунду ослепило его. Щурясь, Федор нашел глазами свою машину на территории широкой асфальтированной парковки во дворе УВД и направился к ней.

– Вы стритрейсер?

Федор обернулся.

– Да, а что?

– Меня зовут Александр, я следователь.

Бегин протянул руку. Федор пожал ее, представившись в ответ.

– Бессонная ночь? – спросил Бегин, видя его осунувшееся лицо с красными глазами и кругами под ними.

– Не без того.

– Уже завтракали? Могу угостить.

Они расположились в небольшой кафешке, расположенной в том же квартале, совсем рядом с УВД. Сюда периодически заходили сотрудники, в форме и без. Вот и сейчас трое патрульных обсуждали что-то около стойки, ожидая свой заказ. Бегин и Федор присели за столиком около окна. Заказали нехитрый завтрак. В ожидании официантки с подносом Федор вкратце пересказал Бегину события ночи.

– Я вашим в управлении все подробно рассказал.

– Не нашим. Я не из полиции.

– Следственный комитет? – Федор взглянул в его лицо. – Точно. Я вас видел по телеку, когда вся эта заваруха началась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.